

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Роза

Джавид Алакбарли

Обжора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69463282

SelfPub; 2023

Аннотация

В этой истории молодой человек, работающий в больнице «Скорой помощи», рассказывает нам о женщине-горе, у которой, вопреки всем идеям Декарта, главенствующим являлся лозунг: "Ем – значит существую". Всем известно, что порой люди заедают стресс. А потом просто становятся рабами своих привычек и не в состоянии разорвать порочный круг. По мере развития событий и знакомства с какими-то фактами из прошлого, молодой человек, в начале откровенно издевающийся над «женщиной-горой», начинает поражаться тому, с каким мастерством муж этой женщины находит выход из этой почти безнадежной ситуации.

Джавид Алакбарли

Обжора

Всё, что происходило в тот день, я помню так же отчётливо, как если бы это случилось вчера. Это было тринадцатое число. Тринадцатое же всегда является для меня самым непредсказуемым днём. Если говорить точнее, как правило, именно эта дата вмещает в себя массу не совсем приятных событий, неожиданных встреч и множество мерзких сюрпризов.

Моя мать в спорах со мной всегда утверждает, что все дни, в общем-то, одинаковы. Неодинаковыми их делают людские предрассудки и куча разных всяких стереотипов, прочно утвердившихся в нашем подсознании. Я же, видимо, под влиянием многих конкретных фактов просто-напросто убедил себя в том, что в подобный день ничего хорошего случиться не может. У меня, во всяком случае, почему-то всё и всегда складывалось именно так.

Как бы там ни было, надо честно признаться, что и этот день уже с самого утра начался достаточно паршиво. Я трижды заново заваривал чай. Причина была проста. Первые две заварки из-за моей рассеянности уже успели вскипеть. Пока я третий раз колдовал над заварным чайником, обнаружилось, что и яичница на плите превратилась в нечто весьма несъедобное. Хорошо, что у нас дома на столе всегда лежат

орешки всех сортов и разные сухо фрукты. Я щедро насыпал горсть этого стратегического запаса к себе в карман и, выходя из дома, дал себе честное слово: что бы ни случилось со мной сегодня, не стану нервничать и портить себе настроение.

В университете я хотел было вытащить мобильник и позвонить маме, но обнаружил, что в автобусе кто-то умудрился увести его. После лекций, на скоро перекусив в соседнем кафетерии, я отправился на дежурство в больницу «Скорой помощи». Вообще-то, эта лечебница лично для меня является тем уникальным местом, где происходят самые невероятные истории и раскрываются скрытые обычно от людских взоров тайны человеческих судеб.

Но это ещё то уникальное место, что дарит мне вдохновение и различные сюжеты для моих дурацких рассказов, над которыми подтрунивают все мои друзья. Поэтому и шёл я туда, ожидая, что в столь непростой день обязательно случится что-то не очень хорошее. Число-то ведь тринадцатое. Предчувствия меня не обманули. История приключилась здесь весьма незаурядная. Но в конечном счёте лично для меня она была весьма и весьма поучительной, продемонстрировав мне всю мерзость моего высокомерия.

С ней, в конце концов, оказалось связано немало моментов, которые ещё раз смогли выявить то, что моё безграничное самодовольство и фантастическая самонадеянность просто зашкаливают. Короче говоря, вся эта история просто ещё

раз показала мне в деталях и подробностях, что никогда не надо спешить с выводами и навешивать ярлыки на людей. А именно этим я как законченный идиот и занимался всю свою жизнь.

Вся эта история дала мне хороший щелчок по носу и осталась в памяти, как наглядный урок того, что порой всё не так просто, как кажется.

Едва ступив в больничный двор, я стал свидетелем весьма неординарной ситуации. Меня тут же начал разбирать смех. По мере того, как я проникался пониманием увиденного, мой смех крепчал. В один миг забылось всё. И увиденный телефон, и перекипевшая заварка, и сгоревшая яичница, и невкусная еда в кафетерии уже казались такими мелкими пакостями, что на них, может быть, не стоило даже обращать внимания. Открывающаяся передо мной картина была настолько сюрреалистичной, что в неё трудно было поверить. Неужели это не сон и не галлюцинация?

Из какой-то машины весьма странного вида шестеро человек осторожно опускали на землю огромную нарядную кровать с балдахином. Дополняло весь этот немислимый пейзаж абсолютно непонятное существо каких-то невероятных размеров, лежащее на этой кровати.

– Кто это?

Один из санитаров, что осторожно опускал кровать на землю, без тени улыбки ответил мне:

– Это женщина-гора.

Так они все называли хозяйку ресторана, находящегося неподалёку от больницы. Лично я никогда её не видел, но все уверяли, что наверняка, она весит не меньше двухсот килограммов. Даже наш медбрат, дядя Маис, почти всю жизнь проработавший в этой больнице и видевший много диковинных больных, утверждал, что никогда не видел женщину таких габаритов. Очевидно, что подобного пациента не могли привезти на обыкновенной машине «Скорой помощи». Наверное, именно поэтому больную поместили вместе с её роскошной кроватью в некое допотопное транспортное средство, напоминающее симбиоз грузовика с автобусом.

Всё ещё продолжая по инерции смеяться, я в конце концов понял, что ситуация настолько необычна, что надо бросить валять дурака и постараться помочь. Больная же всё время то ли стонала, то ли вопила, то ли кричала:

– Ой, умираю! Ой, мой живот! Помогите! Как же мне больно!

Пытаясь быстро включиться в рабочий процесс, я поневоле начал задавать себе чисто риторические вопросы.

– Ну, разве гора может вопить и кричать? Разве ей может быть больно?

В это время рядом с больной появился лучший хирург нашего отделения.

– Симптом Блумберга положительный. Срочно в операционную.

Пока я как идиот смеялся, всем нам стало ясно, что со-

стояние этой больной было предельно тяжёлым. Просто на грани жизни и смерти. Между собой врачи именуют эту болезнь инфарктом кишечника. Но точнее, конечно, это следует называть эмболией. В подобной ситуации многое зависит от того, насколько быстро и эффективно будет оказана врачебная помощь. Причём в такой ситуации всё решают буквально минуты.

Больной сразу же сделали несколько болеутоляющих инъекций, опасаясь, что из-за острой боли пациентка может впасть в шок. Мы дружно обрадовались тому, что её душевраздирающий крик почти прекратился. Теперь наши уши терзали лишь её прерывистый стон и хриплые рыдания.

У этой болезни есть такая особенность: она наступает внезапно и развивается столь стремительно, что некроз, то есть гибель клеток и почернение кишечника, порой можно обнаружить только после вскрытия брюшины. Причины этой болезни могут быть различны, но результат, к сожалению, чаще всего бывает весьма трагичным. Если больного всё же удаётся спасти, то он на всю жизнь остаётся с усечённым кишечником. И в результате, конечно же, живёт не очень комфортной жизнью.

На практике обычно профессионализм хирурга и процесс атрофии всего кишечника вступают в схватку друг с другом и с самим временем. К сожалению, в этой борьбе проигравшей стороной чаще всего оказывается врач. Такова статистика, и никуда от этих суровых цифр нельзя ни спрятаться, ни

скрыться.

Для всех хирургов было очевидно, что самым опасным феноменом при этой болезни является то, что эмболии сопутствуют, как правило, высокое давление, диабет и повышенный холестерин. Словом, не самый приятный букет. В любом случае врачей радует лишь то, что подобная ситуация встречается не так уж часто.

Этот недуг, как правило, является результатом предельного равнодушия человека к своему здоровью. И встречается он чаще всего среди тех, кто в силу ряда обстоятельств был вне зоны постоянного медицинского контроля. Вот и получаем мы порой на «скорой» больного, у которого тромб наконец закупоривает сосуды, питающие кишечник. При таком раскладе мы теряем пациента ещё до того, как он попадает к нам на операционный стол.

Всё это, конечно же, пришло мне в голову гораздо позже. Пока же, в эти первые минуты, было ясно, что придётся решать весьма сложные задачи. Ведь у нас в больнице не было ни настолько просторного лифта, ни соответствующих носилок, ни супер-санитаров, чтобы мы могли втащить эту больную на третий этаж. А именно там и располагалась наша операционная. В конце концов было решено, что всё же будем поднимать её вверх по лестнице всё на той же кровати. С помощью родственников и близких, сопровождающих больную, нам кое-как удалось донести её до операционной.

Судьба, видимо, была благосклонна к ней, а может быть,

какие-то высшие силы приняли решение всё же удержать её на этом свете. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что рядом с ней оказался этот прекрасный хирург. Просто в этот день к нему обратился коллега, попросив подменить его. Как бы там ни было, больная в конце концов оказалась под скальпелем профессионала высочайшего класса. Нам оставалось лишь надеяться на то, что чудо-руки этого чародея помогут ему выиграть предстоящую битву со смертью.

Операционный стол, стихийно сооружённый нами из двух нормальных, мог бы занять особое место в истории хирургии. Каждый из нас сделал всё, что от него зависело, чтобы создать этот шедевр. С первой минуты весь персонал отделения был предельно мобилизован, но всё же конечный результат зависел только-лишь от хирурга. Всем остальным оставалось уповать на господ бога и молиться. Естественно, только тем, кто умеет это делать.

Пока шла операция, мы подготовили для нашей больной отдельную палату. Ей повезло и в том, что здание нашей больницы было построено ещё в девятнадцатом веке. Здесь были очень широкие коридоры и двери. Сняв и отложив в сторону створки дверей, мы обеспечили достаточно удобный вход в палату.

Мы так же соединили с помощью подручных материалов две койки, чтобы создать спальное место, способное выдержать вес этой женщины-горы. Иного выхода у нас просто не было. Ведь её громоздкая кровать не могла бы пройти даже

сквозь расширенный проём палаты. С этой кровати мы просто сняли роскошный ортопедический матрац, чудом втащив его в палату. Пока всё это происходило, ветеран нашей больницы дядя Маис не переставал ворчать.

– Не нравится мне эта больная. Несколько раз я сталкивался с этой эмболией. Будь она неладна. При мне всякий раз исход был летальным. Подобные пациенты, как правило, вообще не выдерживают операцию. Тем более, при таком весе.

Когда хирург вышел из операционной, дядя Маис, видимо, щадя самолюбие врача, постеснялся прямо спросить о том, жива ли больная? Только и смог выдохнуть:

–Ну, как?

– Ну, что тебе сказать? Родилась в рубашке. Эмболия, к счастью, успела захватить только слепую кишку. Удалил её вместе с тромбом. Да, пока не забыл. Надо хотя бы для интереса взвесить всё это.

И тут он указал на сложенные в стороне три больших целлофановых пакета.

–По-моему, я вырезал из её живота не менее тридцати килограммов жира. Лишил бедняжку, как говорится, накопленного запаса на чёрный день. Кстати, было бы неплохо завтра больную показать диетологу и психиатру. Ну, не верю я, чтобы нормальный человек мог бы сам себя довести до подобного состояния.

Хотя операция прошла удачно, но опасность, конечно же, ещё не миновала. По указанию хирурга к больной прикрепи-

ли нашу самую опытную медсестру. Врач же ещё несколько раз наведывался в эту палату, и ему докладывали, что женщина вовремя отошла от наркоза и, благодаря болеутоляющим средствам, смогла спокойно заснуть. Но спокойствия не было ни в этой палате, ни в больнице.

На всё здание звучал оглушительный храп этой больной. А храпела она так, как может, наверное, только слон. Убеждён, что от её храпа мог бы воскреснуть даже усопший. До сих пор жалею лишь о том, что я, по неосторожности, стёр из памяти моего нового телефона фантастическую ораторию её храпа. Наш дядя Маис был абсолютно согласен со мной в том, что это настоящий слоновий храп. Мы оба не знали в точности, как они храпят, да и храпят ли они вообще. Но, тем не менее, нам казалось, что только они способны издавать такие трубные звуки.

Я встречал по жизни нескольких серьёзных храпунов, но подобного никогда не слышал. Для описания её храпа нужен был хороший специалист по русскому языку, причём желательнее всего владеющий ненормативной лексикой. Мы могли лишь констатировать то, что он переходил из высоких регистров в низкие, порой издавал почти органные звуки, но в итоге вновь перемещался из низких в высокие. Но самое главное заключалось в том, что он не умолкал ни на минуту.

Всех ещё удивлял и поражал тот факт, что её родственники, дочери, зятья, все время толпящиеся перед палатой, радостно вслушивались в этот храп и комментировали его.

Ведь эти звуки, по их мнению, были самым верным симптомом того, что теперь всё в порядке. Храп вселял в них уверенность, что всё идёт своим путём. Раз она так храпит, значит, теперь больная уж точно находится на пути к выздоровлению. Словом, очередное тринадцатое число завершилось не так уж плохо. Летального исхода всё же не было, хотя мы с дядей Маисом были в нём уверены. А это значит, что женщина-гора и дальше будет по жизни преобразовывать горы различных белков и углеводов в свои стратегические запасы жира, а заодно и руководить процессом приготовления еды в своём ресторане. Справедливости ради надо признать, что готовили там очень вкусно. Мы там иногда с ребятами отмечали какие-то даты, и ни у кого из нас на тарелке ничего не оставалось. Всё съедали подчистую.

Утром, сдавая дежурство, я увидел, что несколько медсестёр, передвигаясь почти на цыпочках и не издавая ни единого звука, заглядывали в приоткрытую дверь палаты. Они еле-еле сдерживали свой смех. Оказывается, наша больная диктовала старшей дочери, что необходимо ей принести поесть. Поневоле мне вспомнились роскошные пиршества из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

В своё время этот шедевр Рабле прекрасно перевёл на азербайджанский язык поэт Ахмед Джавад. Читая, трудно даже поверить в то, что это не оригинальный текст. Перевод настолько «вкусный», что отдельные отрывки из него я могу воспроизвести даже наизусть. Теперь мне начало казаться,

что эта больная ещё не раз заставит меня вспомнить героев этой книги.

Я уже хотел покинуть больницу и отправиться на занятия, как меня тормознул очередной вопль нашей пациентки.

– Дайте мне поесть! Я подыхаю от голода! Я же умру без еды. Сейчас же дайте!

Оказывается, что доктор во время обхода предупредил больную, что ближайшие три дня её рацион будет состоять только из глюкозы и лекарств. Наивная душа. Он и представить себе не мог, что больная, накануне едва не испутившая дух, может быть столь настойчивой в своём желании поесть. Так у меня по явился новый отличный слоган:

– Ем – значит существую.

Я продолжал улыбаться своей мысли о том, что афоризм Декарта: «Мыслю – значит существую» просто отдыхает на фоне оптимистичного принципа жизни нашей больной. Я ехал на занятия, размышляя о том, что самый большой враг и самый большой друг человека – это он сам. На свете, конечно же, немало обжор. Но думаю, что с таким уникальным экземпляром, как наша пациентка, можно столкнуться не столь уж часто. Видимо, она и не подозревает, что чревоугодие является одним из семи смертных грехов.

В больницу я попал только через два дня. Таков уж был мой график дежурств. Увидел, что снова лестничная площадка третьего этажа опять полна родственников этой обжоры. Хорошо, хоть двери палаты уже были возвращены на

своё место. На первый взгляд казалось, что всё в порядке.

– Добрый вечер. Что нового?

Ответ дяди Маиса удивил меня. Я уже не знал, верить этому или нет. Он утверждал, что будто встретившись с нашим психиатром, больная превратилась в самое милое существо на свете и больше не поднимает скандалов из-за еды. Ну просто суший ягнёнок.

– Наверное, говоря о ягнёнке, ты имеешь в виду породу овец, выращиваемых в селении Гала. Но там только взрослая овца нагуливает вес до двухсот килограммов. Ягнёнок же должен весить гораздо меньше, чем наша больная.

– Злоязычие многих погубило. Ты можешь стать одним из них. Какая разница? Не придирайся к словам. Старайся быть ко всему терпимей. В том числе и к этой несчастной женщине.

– С чего ты взял, что она несчастная? По-моему, она очень даже счастлива. Её наркотиком является еда. А она сама является самым главным начальником над горами пищи. Ну, это примерно такая же ситуация, если бы наркоман владел бы складами с наркотой. А ещё, наверное, она по жизни представляет собой весьма любопытное зрелище для зрителей всех возрастов.

– Какое зрелище?

– Ну, интересно же наблюдать за тем, как горы еды перетекают в желудок женщины-горы. Для многих людей это может представлять нехилый перформанс. Думаю, что можно

продавать билеты на такой необычный спектакль.

Приглядевшись, я увидел, что у самых дверей палаты нашей больной на столе лежат пригласительные билеты. Перехватив мой недоуменный взгляд, дядя Маис сообщил, что ещё вчера муж пациентки порезал жертвенного барана и раздал его мясо. А теперь он, по поручению своей жены, угощает персонал клиники, приглашая всех нас на ужин в свой ресторан. Вся их семья безмерно радовалась тому, что столь огромная беда обошла их стороной. Теперь их надежды на будущее были связаны с тем лечением, которое должен прописать психиатр. Про себя я ещё не раз пожалел человека, которому придётся лечить больную голову нашей пациентки.

Психиатра приглашали в нашу клинику лишь в самых сложных и неординарных ситуациях. Обычно к нам приходила одна из лучших специалистов в этой области. Она была очень красивой женщиной, весь облик которой излучал покой и надежду на то, что в конце концов у всех всё будет очень хорошо. Коллеги ценили и уважали её за высокий профессионализм. Одевалась она очень элегантно, с большим вкусом, но все её наряды, как правило, были чёрного цвета. Ходили какие-то слухи о том, что когда-то в её жизни произошла большая трагедия, но деталей и подробностей всего этого никто не знал. Вопросов на эту тему ей и не задавали.

Было очевидно, что эта мадам способна одним лишь взглядом пресечь любые попытки вмешательства в свою личную жизнь.

Говорят, что первая встреча нашего психиатра и женщины-горы длилась несколько часов. Я всё время раздумывал о том, как же столь тактичная и деликатная мадам-психиатр сумеет преодолеть патологическое обжорство нашей больной. Это была не просто сложная задача. С моей точки зрения, это был тот самый случай, когда миссия была просто невыполнима. И даже, наверное, сам Том Круз был бы не в состоянии сделать её выполнимой. Скорее можно поверить в то, что сбудутся все наши несбыточные мечты, чем надеяться на то, что эта больная сможет справиться со своим недугом. Всем в больнице уже было известно, что наша больная, помимо соседнего ресторана, владеет целой сетью кафе и большим Домом торжеств. С раннего утра до полуночи она контролирует там все процессы приготовления пищи. Она уже успела с гордостью всем сообщить, что в течение дня снимает пробу, как минимум, с пяти или шести блюд. О каком лечебном голодании или строгой диете можно в таком случае говорить?!

Но наша психиатр придерживалась несколько иной точки зрения. Она была убеждена, что в детстве или в юности пациентка столкнулась с какой-то страшной трагедией. Видимо, и по сей день она старается как-то «заесть» этот стресс. А стресс – это такая проблема, которую нельзя ни заесть всу-

хомятку, ни проглотить с водой, ни преодолеть силой воли. Именно в силу этого сколько бы ни ела эта бедняжка, она никак не может ни насытиться, ни избавиться от этого стресса. Я был категорически не согласен с такой оценкой этой ситуации. В моём представлении стресс – это удел интеллигенции, а нашу больную трудно было отнести к разряду интеллектуалок.

Её родные и близкие утверждали, что всю жизнь она была бодра, весела, жизнерадостна. И вес у неё всегда был в норме. Проблемы начались пару лет тому назад. Но они развивались настолько стремительно, что уже буквально через год её вес достиг нынешних чудовищных размеров. Даже с учётом этой информации я всё же был уверен, что психиатр и не представляет, с какой уникальной ситуацией она столкнулась. Такие люди, как наша женщина-гора, сами могут любого погрузить в стрессовое состояние. Как говорится, просто проглотят на раз-два-три. Даже не поперхнутся и пойдут дальше по жизни покорять новые монбланы еды.

В отделении многие были согласны со мной. Мы, конечно же, не говорили ничего лечащему врачу, но все между собой обсуждали, что очень трудно согласиться с теорией психиатра о стрессе. Просто изначально нам было абсолютно ясно и понятно, что этот посыл в корне не верен.

– Не там ищет! Значит, и помочь не сможет.

Никто, конечно, и не мечтал о том, что человек подобных габаритов способен в одночасье превратиться в фотомодель.

Мы лишь надеялись, что после своего выхода из больницы она сумеет сохранить своё теперешнее состояние и не начнёт возвращаться к своему прежнему весу. Эта надежда, конечно же, была весьма призрачной. Её могло подпитывать лишь то обстоятельство, что в её изнеженных и хорошеньких дочерях не было и намёка на полноту.

Но в конце концов выяснилось, что наша психиатр знала об особенностях человеческой души и женского организма куда больше, чем мы все вместе взятые. И кто знает, хорошо это было или плохо?

Когда я в следующий раз пришёл на дежурство, то вся больница напоминала пчелиный улей. Казалось, айфоны в руках наших медсестёр уже предельно накалились от огромного количества пересылаемого и получаемого с них материала. Никогда не думал, что всего лишь один мужчина, причём в достаточно преклонном возрасте, может вызвать такую бурю в сердцах и умах всех женщин нашей клиники. Ко мне на телефон тоже пришла пара удивительных фотографий. На них были фантастические портреты женщин совершенно невероятных форм и размеров. Но, боже мой! Как же они были красивы!

Рубенс отдыхал. Все женщины этого фламандца, при всей пышности их тел, оставались в тени работ этого колумбийского художника. Вначале я решил, что всё это создано в наркотическом бреде и надо немедленно призывать к ответственности всех нарко-баронов Латинской Америки. Но все

эти мои порывы и попытки найти всему рациональное объяснение померкли в процессе созерцания работ этого гения.

Его звали просто Ботеро. Он создал какой-то невероятно пузатый мир, в котором даже вазы и щенки имели абсолютно невиданные ранее формы. Иногда его работы зло называли надутыми резиновыми куклами. Кто-то говорил, что это чудовищно разбухшие фигуры людей. Много чего говорили. Но, как известно, глас народа – глас божий. Реакция всех наших женщин на этого Ботеро доказала лишь одно: оказывается, что его успех у женской половины человечества был заранее предопределён. Причём это была любовь с первого взгляда и на всю оставшуюся жизнь.

Так вот и получилось в результате, что единственный в клинике цветной принтер работал в тот день, не переставая. Остановился он лишь тогда, когда закончился картридж. Репродукции работ этого художника к концу дня висели уже везде и всюду. Над ними хихикали, ими восторгались и даже целовали все эти пузатые лица, выражая просто щенячий восторг оттого, что, оказывается, такое рисует самый дорогой художник из всех ныне живущих.

Наши женщины уже всё выяснили. Они знали, что все три жены этого художника были худенькими барышнями. По секрету они мне сообщили, что, кажется, последняя из них весила всего пятьдесят килограммов. Но откуда же вдруг у него возникла такая любовь к женщинам невероятных размеров?

Наша женщина-гора блекла на фоне всех этих монстров. И тут я понял, что мадам-психиатр всё-таки нашла верный ключ к своей больной. Она смогла прежде всего внушить и ей, и всем остальным, что её полнота способна вызывать любовь и восхищение, а не отвращение. Это был первый её шаг. Интересно, что же последует за этим?

До этого самым известным человеком из Колумбии в нашей клинике был Маркес. Конечно же, никто из наших сотрудников не читал «Сто лет одиночества» и «Осень патриарха». Для всех них это были очень скучные книги. Но в один прекрасный день очень известный онколог умудрился сказать одному нашему безнадёжному пациенту, что в жизни всё бывает, и порой можно излечиться даже от рака. И заговорил о том, что Маркес, после поставленного ему ракового диагноза, ухитрился прожить десять лет и даже написал книгу о своих любимых, но таких грустных и несчастных шлюхах. Всё это дало старт каким-то вероятным процессам.

В нашу больницу стали поступать десятки экземпляров этой книги. Никто из женщин не рискнул, видимо, заказать книгу с таким названием на свой домашний адрес. Вот и получили мы в подарок абсолютно немыслимую чехарду с тем, кто и чей экземпляр забрал по ошибке. Маркес же, независимо от всего этого, прослыл у нас самым тонким знатоком женской души. Ну, может быть, ещё каких-то других элементов женского организма, о которых не очень принято гово-

ритель в традиционном обществе. Но Ботеро побил все марковские рекорды.

Почему-то нашим медсёстрам больше всего нравились его семейные портреты. Они печатали их уже на фотобумаге, заключали в рамки и вешали в своих процедурных. Главврач пару раз пытался призвать их к порядку, но потом махнул рукой, сочтя, что рано или поздно и этот бзик сойдёт на нет. Как и множество других женских вывертов, что пережила эта больница.

Она искала десерт. Именно он должен был завершить то пиршество, которое она, со свойственным ей размахом, развернула этой ночью на кухне. А потом вдруг в дверях показался её заспанный муж. И задал ей один-единственный вопрос:

– Чаю тебе заварить?

– Заварить.

Это было просто прекрасно. Она сразу успокоилась. Обрадовалась, что он не обрушил на неё шквал вопросов. Ничего не сказал, ничего не прокомментировал и даже удержался от своих вечных шуточек. А всего лишь предложил налить ей чаю. Но, в конце концов, оказалось, что допроса с пристрастием ей всё же не удастся избежать.

Муж, конечно же, заварил прекрасный чай. Точно такой, какой они всегда любили. Он был искренне убеждён в том, что такой чай не способен вызвать бессонницу. Всё дело было в деталях. А заключались они в том, что на заключительном этапе заварки он клал в чайник одному ему ведомые травы. Он подождал несколько минут и только тогда произнёс свою любимую присказку:

– Ну, что, жёнушка, поехали?

Она всего лишь кивнула. И ночное чаепитие началось. Стол уже был заставлен её кулинарными шедеврами. Ей совсем необязательно было пробовать каждый из них. Само их наличие дарило ей какое-то ощущение праздника. Недаром же муж всё время убеждал её в том, что она уникальный едок. Все едят ртом, губами, зубами, а она поедает еду глазами. И тем не менее, даже не положив ничего в рот, может испытывать фантастическое чувство сытости. Иногда, лишь разглядывая то или иное блюдо, она может в деталях объяснить особенности его вкуса, его достоинства и недостатки.

Парадоксальность, равно как и обыденность сегодняшней ситуации, заключалась в том, что сегодня у неё во рту не было пусто. Если всегда ел человек, сидящий напротив неё, а она, в деталях и подробностях, описывала, каков же вкус всего того, что он ест, то сегодня ела она. Именно поэтому это ночное пиршество серьёзно встревожило её мужа.

– Это длится уже целую неделю. Между двумя и тремя часами ночи ты устраиваешь это непотребство.

Но если тебе так уж хочется побаловать себя разными всякими сладостями именно ночью, то приглашай и меня. Я с удовольствием составлю тебе компанию. А если это всё-таки нечто более серьёзное, чем желание утолить непонятно почему возникший жуткий голод, то уж давай выкладывай, что у тебя там на душе. Что случилось такого за эти дни, чего я не увидел или не разглядел?

– Да, случилось. Но очень и очень давно. Я была уверена, что всё это благополучно позабыто. Но вот уже целый месяц мне снятся сны. Страшные сны. Вот и стала я сбегать от них. Проснусь часа в два, приду сюда на кухню, наемся и снова иду спать. На сытый желудок мне уже ничего не снится. Пока такой график помогает мне прогнать все эти ужасные видения.

– И что же тебе снится?

– Ооо! Обо всём этом надо очень долго и нудно рассказывать.

– Действительно, ночью надо спать, а не лясы точить. Спала бы у меня под боком и ничего бы тебе не снилось. А то моду взяли, что каждый спит в своей комнате. Пошли жёнушка, поспишь сегодня со мной в одной кровати.

В ту ночь ей удалось выспаться, и ничего ей так и не приснилось. На следующий день уже поздно вечером, когда все дела были переделаны, они вновь уселись всё на той же кухне. И муж как-то грубовато-ласково сказал ей:

– Ну, давай, колись. Признавайся, что снятся тебе сладкие

эротические сны с разными всякими горячими мачо. Рассказывай. Как, что, когда и с кем. Всё выкладывай. Я готов выслушать.

– Ах, если бы всё было так, как ты думаешь. Всё на самом деле намного хуже.

– Не пугай меня. Я большой мальчик, и уже давно ничего не боюсь. Слушаю.

– Я потеряла мать, когда мне было лет пять. Ничего худого о своей мачехе сказать не могу. Не била, не ругала, не помыкала, не обносила едой, не лишала куска хлеба. Что же касается материнской ласки, за боты, доброты – что тут можно сказать... Даже я, маленькая девочка, прекрасно понимала, что этого не стоит ждать от мачехи.

Я была слишком мала, когда умерла моя собственная мать. Естественно, что многого я и не помню. Про неё говорили много хорошего, но мне не довелось насладиться теплом материнских объятий. Отец же мой по природе своей тоже был человеком жёстким, неулыбчивым, неприветливым. Словом, ничем не отставал от мачехи. Она же не была особенно добра даже со своими собственными детьми. Наверное, и они, подобно мне, нуждались в добром слове, маминых поцелуях, ласковом обращении. А их не было. И наверное, не могло быть в принципе.

Позже одна моя подруга, имея в виду профессиональ-

ных вояк-наёмников, говорила, что самое страшное в мире – это эмоциональные калеки. От них никогда не дождёшься сочувствия, доброжелательности или искренности. Может, и моя мачеха была одной из таких калек.

Отец у меня считался человеком образованным. В своё время первым в нашей деревне окончил вуз. Многие годы проработал председателем сельсовета. Но тем не менее после восьмилетки не пустил меня продолжить учёбу. Утверждал, что по дому и так много работы, что у нас нет полной средней школы и невозможно каждый день отправлять меня в школу автобусом в соседнее село.

Мне только-только исполнилось восемнадцать, когда в селе объявился молоденький лейтенант. Он служил в России и, по слухам, приехал сюда по настоянию родных, мечтающих, чтоб он женился на своей землячке. Выбор пал на меня. Может быть, тут подсуетилась и моя мачеха. Кто знает. Мне сказали лишь о том, что это было решением семьи этого парня. Конечно же, до меня постоянно доходили отголоски ведущихся там и сям разговоров о том, что я из породы тех женщин, на ком держится весь дом. И действительно, уборка, стирка, готовка, уход за скотом, птицей – словом, все заботы по хозяйству были на мне. Может, и эта характеристика тоже сыграла свою роль.

Как бы там ни было, меня лишь спросили:

– Выйдешь за этого парня?

– Выйду.

Уж очень мне хотелось вырваться из этого села, увидеть мир и перестать быть всегда виноватой за всё, что было не так в отчем доме. Так вот в одночасье и выдали меня замуж. Даже сыграли небольшую свадьбу. Было лето, и всё происходило в нашем саду, на свежем воздухе. Народу собралось много. Всем было весело. Кроме меня. Меня пугал мой жених, уже успевший стать моим официальным мужем.

Я видела перед собой достаточно красивого, но вечно хмурого, угрюмого и чем-то очень недовольного человека. Он ни разу не улыбнулся даже на собственной свадьбе. Я мечтала если не о признаниях в любви, то хотя бы о парочке комплиментов, о каких-то разговорах, способных сблизить нас... Но он забрал меня из деревни точно так же, как свой чемодан. Хотя уже тогда мне показалось, что тот же чемодан значил для него гораздо больше, чем я.

Через неделю мы с ним вместе отправились автобусом в Баку, а оттуда трое суток ехали поездом. Затем снова пересели в автобус и оказались в ужасном месте. Это был военный городок. Школа, магазин, столовая, засекреченный завод, офицеры, инженеры да рабочие – вот, пожалуй, и всё, что окружало меня. Ну и, конечно же, ужасный холод. По-немногу я привыкала к новой жизни, учила русский язык, обживалась. Словом, у меня был типичный образец семьи из

категории «стерпится – слюбится».

Одного я так и не смогла понять. И всё думала о том, отчего все мужья оказывались дома уже в шесть-семь вечера, а мой являлся не раньше одиннадцати-двенадцати ночи. Проживающая на нашем этаже женщина однажды случайно поговорилась:

– Ты особенно не напрягайся. Радуйся тому, что он не из тех, кто приходит домой вдрызг пьяный. Наверное, пропадает у своей зазнобы.

Я промолчала. Лучше бы я этого не слышала. Но, впрочем, естественно, что в таком небольшом и столь замкнутом пространстве, каким был наш военный городок, подобное не могло долго оставаться тайной. Хоть и поздно, но в конце концов и я узнала о том, о чём давно были все осведомлены. Оказывается, у моего мужа была здесь как бы вторая жена. Вернее было бы сказать – первая. Ведь с ней он сошёлся задолго до того, как женился на мне. Не сразу, но всё же в один из дней я всё-таки решилась отправиться в магазин, где работала эта счастливица. Лучше бы я этого не делала! Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы понять, что рядом с этой ухоженной женщиной я напоминаю драную кошку.

Она, наверное, была лет на пять-шесть старше моего мужа, но при этом выглядела настолько привлекательной, что аж дух захватывало. Нарядная одежда, светлые волосы, голубые глаза – всё в ней было на столько ярко и броско, что запросто могло увлечь любого. Не хочу оправдывать мужа,

но должна признаться, что эта женщина была, безусловно, намного красивее меня. Однако, когда я сказала об этом той же самой соседке, она долго смеялась.

– Дурёха. Ты не знаешь себе цену. Почему ты сравниваешь себя с этой старой кошёлкой? Да на ней же тонны косметики.

Одним словом, избавившись от тех эмоциональных калек, что были в моей собственной семье, я столкнулась с грубым, чёрствым, абсолютно равнодушным ко мне мужчиной. Но что я могла поделать? Я уже была беременна, скоро должна была стать матерью. А муж мой, видимо, чрезвычайно довольный своей ролью главы двух семейств, своей судьбой и всем течением своей жизни, был совершенно безучастен ко мне. Ведь он так ни разу и не спросил меня:

– Отчего ты такая задумчивая? Что у тебя на душе? Может быть, тебя что-то беспокоит?

Наше общение было сведено к нулю. Иногда звучали какие-то ничего не значащие, дежурные фразы:

– Здравствуй. Спасибо. Где соль? Сегодня сильный мороз.

И всё. Не помню, чтобы мы вообще о чём-то разговаривали. Не говорю уже о таких вещах, как разговоры по душам или обсуждение чего-то по-настоящему нам интересного. Я и мечтать об этом не смела.

Разумеется, что в этом военном городке не было родильного дома. Здесь была лишь небольшая больница общего профиля. Накануне родов муж, получив разрешение у на-

чальства, отвёз меня в соседний город. Это был большой областной центр. Меня осмотрели, определили, что роды должны состояться буквально днями. Поэтому и оставили меня там.

Через два дня я родила мальчика. Прекрасный малыш. Рост пятьдесят два сантиметра, вес три с половиной килограмма. Всё в пределах идеальной нормы. Но это меня совершенно не радовало. Много передумав, я решила, что нужно оставить ребёнка в больнице, а самой отправиться куда глаза глядят. Естественно, у меня не было ответа ни на один из тех вопросов, что могли мне задать. Я не думала о том, куда я пойду и что буду делать. Моё отрешённое состояние не прошло мимо внимания врачей. Они видели, что когда мне принесли младенца, я сразу же отказалась кормить его грудью.

Больницей руководила крупная, высокая и очень суровая женщина. Когда она проводила обход всем казалось, что от её голоса сотрясаются даже стены. Вероятно, ей передавалась немалая доля начальственности её мужа-генерала. Она и пригласила меня к себе. Я сразу же подумала, что она хочет отговорить меня от того, чтобы отказаться от ребёнка. В то время я уже довольно сносно владела русским. Объяснила ей всё как есть. Несмотря на всю свою внешнюю сухость, она оказалась доброй женщиной, села рядом со мной, даже чуть всплакнула.

– В наше время быть женой – тяжёлая ноша. Когда мой благоверный возвращается со службы, я точно знаю, какая женщина ублажала его сегодня. Но я всё терплю. Следует или смириться с этим положением, или собраться и уйти куда глаза глядят...

Я объяснила ей, что лично для меня это решение является окончательным и бесповоротным. Не желала я возвращаться в тот проклятый военный городок, не хотела видеть ни моего мужа, ни его любовницу. На следующий день главврач снова пригласила меня к себе. Её предложение застало меня врасплох.

–Вчера здесь потеряла ребенка жена одного полковника. Третья беременность и третий летальный исход. Не смогла доносить до конца. Это был их последний шанс. Они просили присмотреть для них ребёнка в детдоме. Ведь у них на руках уже новое назначение, а это значит, что в ближайшее время они отправятся в путь. Если они уедут отсюда с ребёнком, тогда на новом месте и лишних разговоров не возникнет. Теперь решай сама. Лично я выход вижу в том, что если ты окончательно решила отказаться от своего мальчика, то пусть они забирают твоего ребёнка. Лучше передать его семейной паре, чем сдавать в детдом.

Я была молода, глупа, мало что знала о жизни. Тотчас же согласилась. Стыдно сегодня признаться в том, что даже обрадовалась. Мёртвого младенца приписали мне, а моего ребёнка увезли чужие люди. Идти мне было некуда, вот и

осталась я в той же самой больнице. Стала работать санитаркой. Мужу сообщила, что ребёнок родился мертвым, да и меня можешь считать умершей. Решишь развестись – разводись. Примерно через месяц меня пригласили в ЗАГС. Там я в последний раз и увидела своего мужа. До сих пор не могу забыть его холодную, брезгливую, бездушную рожу, демонстрирующую всем предельную отстраненность от меня. Только во время развода я поняла, что он просто безумно стесняется меня, считая для себя позором сам факт того, что он мог жениться на мне. Конечно же, куда мне деревенщине стать ровней этому красавчику-лейтенанту? Именно поэтому он и старался всегда быть подальше от меня. Словом, я была в его представлении всего лишь убогим вывертом судьбы, от которого ему наконец-таки удалось избавиться.

Та же самая главврач настояла на том, чтобы я по ступила в мед-техникум. И вскоре я уже работала дежурной медсестрой. Меня часто хвалили. А ещё говорили, что будь мои мозги у какого-нибудь мужчины, стал бы он полководцем. Хотя я смеялась, но в душе верила всем этим словам. Может быть, и мои сегодняшние успехи, сноровка во всех наших бизнес-проектах происходят от внушённой мне веры в мой «полководческий» талант. Ну, а то, что было дальше, ты уже сам знаешь.

Действительно, он хорошо помнил, как загремел в больницу с нового нефтепромысла в Сибири. Диагноз был вроде простой – пневмония, но как же тяжело проходила его болезнь. Видимо, он, будучи южанином, так и не привык к суровым морозам тамошних мест. Когда он немного оклемался, главврач сообщила ему, что эта хорошенькая медсестра, постоянно дежурившая все эти ночи у его постели, является его землячкой.

Он хорошо помнил, что дня через три встретив её в коридоре, без всяких предисловий, радостно улыбаясь непонятно зачем и почему, обратился к ней с традиционной присказкой:

–О, невестка моей матери, если приготовишь мне хорошую лапшу, ей-богу, я тут же выздоровею.

Хотя она и ничего не ответила ему, но лапшу приготовила. Из того что было под рукой. Ему объяснила, что ей всегда хорошо удавались мучные блюда. Еще когда она жила в селе, многие родственники специально приходили к ним отведать приготовленную ею лапшу. Но, что поделать, сейчас у неё не было ни мелких сушеных слив, ни каких-либо трав, ни специй. Её лапша была скорее пародией на настоящую.

Но всё же это была домашняя еда. И он уплёл её за несколько минут. И как человек, уставший от постоянной столовской еды, глубоко вздохнул и широко улыбнулся:

– Ну вот, теперь я должен окончательно выздороветь. И может, даже потом жениться на тебе.

Тот вечер стал настоящим вечером воспоминаний.

Она впервые после стольких лет брака признавалась ему в любви и всё время говорила о том, насколько радикально семейная жизнь сейчас отличается от её первого замужества. После встречи с ним она поняла, что значит настоящее мужское внимание. Говорила, что считает эту встречу подарком судьбы. Ведь впервые в жизни рядом с ней оказался человек, которому она небезразлична. Благодарила мужа за то, что он все эти годы баловал её и ограждал от всех трудностей. Потом они вместе вспоминали все детали того процесса, когда страна развалилась и люди разбрелись кто куда в поисках куска хлеба. Именно тогда они решили заняться ресторанным бизнесом. Просто вдруг осознали такую простую истину, что люди всегда будут искать места, где можно будет вкусно поесть. Начинали они с кафе, где в меню была всего лишь пара-тройка простых блюд, а теперь у них целая сеть.

– А теперь я расскажу тебе о самом главном. О своих снах. Не знаю, что приключилось с моим сыном, к добру это или нет, но ровно неделю назад я в первый раз увидела его во сне. Причём не младенцем, а высоким, статным юношей. И сказал он мне одну лишь фразу:

– Мама, а ты не голодна?

Затем каждую ночь я стала видеть подобные сны. Только уроню голову на подушку, меня охватывает страх: вот сейчас

всё и начнется. Часто вижу его двух, трёхлетним малышом. Как его босого, в одной распашонке, выбрасывают на снег, а он не плачет, смеётся. Тянет ко мне ручонки, говоря «мама, мама», и заливается смехом. Иногда во сне вижу, как я сама ищу сына. Кричу, зову, плачу ... А ответа нет. Потом до самого утра не могу уснуть. Прохожу на кухню, открываю холодильник, начинаю есть. Ем, ем и ем. Не могу насытиться. Всё думаю: может, мой сыночек голоден, может, болен, может, давно скончался, умер. Кто знает...

Я даже написала несколько писем. В разные места. Все они остались без ответа. Тех людей, которые что-то могли знать о моём сыночке, наверное уже нет на этом свете. Все они ушли в мир иной. В этих снах я разговариваю с ним:

– Прости меня, мой дорогой сыночек. Я очень виновата перед тобой. Каким же я была чудовищем, что смогла отказаться от родного сына?! И ты меня тоже прости. Ведь который год живу с тобой, но до сих пор ты ничего не знаешь ни о том ребёнке, ни о моём страшном поступке. Теперь сколько не ищи, сколько не кричи, куда донесётся твой голос? Иногда убеждаю себя: может, всего этого и не было, а если и было, то произошло не со мной, а с кем-то другим?

Всё думаю про себя, что, видимо, эмоциональное увечье – заразная болезнь. Не знаю, где заразилась ею – в отцовском доме или в далёкой Сибири, рядом с мужем-чурбаном, но признаюсь, я обделена многими нормальными эмоциями. Чёрствость стала моей второй натурой.

Когда она умолкла, на кухне воцарилась тягостная тишина. И множество безответных вопросов повисли в воздухе...

Он сидел и думал о том, что всё-таки его жена оказалась более искренним человеком, чем он сам. Она называла себя эмоциональным инвалидом и глубоко переживала за этот свой недостаток. У него же не хватило мужества и решимости рассказать ей о том, что гораздо большим уродом, чем она, является он сам. Ну, кто знает, может быть, во время этих ночных посиделок и ему удастся как-нибудь рассказать ей о том, что гложет его многие годы.

В отличие от неё, у него была очень дружная и любящая семья. Их дом в одном из курортных посёлков выделялся своей добротностью. И всегда был наполнен любовью и покоем. Отец и мать всегда поддерживали в доме образцовый порядок. Мать была учительницей, а отец работал в одном из известных апшеронских санаториев завхозом. Все утверждали, что он отличается патологической честностью. Сменялись директора санатория, а он всегда оставался на своём месте. В шутку и всерьёз про него все говорили, что его нельзя уволить просто потому, что без него этот санаторий перестанет существовать.

В той сложной иерархии подчинения и верховенства разных интересов, что утвердилась в курортной системе, он чётко знал своё место. У него была любимая присказка о том,

что если он украдёт в санатории полкопейки, то этого никто не заметит. Но если положит в карман копейку, то загубит свою репутацию очень честного человека. Ни одна проверка ничего, конечно же, не обнаружит. Однако привкус останется. Если же он украдёт пять копеек, то его посадят. И все будут радоваться тому, что зло наказано, а добро восторжествовало.

Люди же живут стереотипами. Они во всём хотят видеть то, к чему они уже привыкли. Разве им расскажешь о том, что вся эта репутация лучшего санатория поддерживается тем обстоятельством, что здесь работает уникальный завхоз. Завхоз, который понимает, что из присланного со склада мяса невозможно приготовить достойный обед. Что ранние овощи и фрукты покупаются для санатория за наличные деньги, а не по перечислению. Что хороший ремонт не может сделать строительная компания, где работают очень неквалифицированные мастера.

В конечном счёте проблемы, где взять необходимые деньги, как заставить хорошо работать ремонтников, чем заинтересовать работников, чтобы всё начало функционировать в рамках утверждённых норм и инструкций, где и на что купить парное мясо и свежих кур, равно как и множество других, надо было разрешать. Он и делал это. Постоянно. Из года в год.

Словом, это была та экономика, которую не преподают ни в одном вузе. Но именно в результате выстроенных им чёт-

ких механизмов у санатория была репутация самого лучшего. Здесь прекрасно кормили, работали все приборы и аппараты в отделении физиотерапии, в комнатах было тепло и уютно. А это означало лишь одно: завхоз знал своё дело как никто другой.

Эта семья из Москвы отдыхала у них уже третий год. Формально они жили на соседней даче. Но по существу всё время были вместе с ними одной семьёй. Завтракали, обедали, ужинали. К себе уходили лишь на ночь. У москвичей была фантастической красоты дочь. Это была этакая белокурая бестия, при виде которой любой знойный восточный брюнет превращается в послушного раба этой барышни, мечтающего лишь о том, чтобы это рабство длилось вечно.

В тот день её отец застал их в своей собственной спальне. Он ещё рано утром уехал в город и должен был вернуться лишь к вечеру. Но тем не менее почему-то приехал в середине дня и разглядывал их обескураженные лица с какой-то иезуитской улыбкой.

– Ты же понимаешь, что теперь, как честный мужчина, ты должен жениться на моей дочери. Я точно знаю, что ты далеко не первый её любовник. Но ты первый, кого мне удалось поймать почти на месте преступления. Вот ты и женишься. У неё ужасный характер, и она быстро превратит тебя в тряпку. Это я говорю тебе заранее. Но ты тем не менее женишься.

Все её недостатки будешь терпеть ради её роскошного тела и знойного темперамента. Свадьбу сыграем до отъезда. Тебя заберём с собой.

– Но я же учусь.

– В Москве и доучишься.

Вот такой резкий поворот в его судьбе. Его семья ничего понять не могла. А он упорно держался своей версии:

– Люблю. Жить без неё не могу. Вот и женюсь.

Вначале ему действительно казалось, что он безумно влюблён в свою жену. И что это любовь на всю оставшуюся жизнь. До гробовой доски. Но уже через несколько месяцев их оглушительный секс приобрёл все черты чисто механического воздействия их детородных органов друг на друга. Пропал драйв. Исчез кайф. Остались лишь так называемые супружеские обязанности.

Очень странным был и такой факт, что чем меньше он любил свою жену, тем больше начинал обожать своего тестя. А ещё он сумел понять причины того, почему его отец с таким восторгом говорил об этом человеке. Уже через год тесть превратил его в своего личного помощника. А это была очень непростая работа.

Он не раз слышал в окружении своего тестя шуточки на тему, что если бы тот рискнул написать монографию по механизмам функционирования теневой экономики в Совет-

ском Союзе, то наверняка бы получил Нобелевскую премию. Но навряд ли ему бы успели её вручить. Не только потому, что он не смог бы вовремя поехать в Швецию. В истории этой премии был и такой случай, когда её вручали не в стенах дворца, а в больнице. Но все подшучивали именно над тем, что в его случае присуждение такой премии приведёт к тому, что вручать её придётся в тюремной камере.

Ведь так и не написанная им книга с каждой своей страницы могла бы вопить о нарушенных им по жизни статьях уголовного кодекса. И конечно же, человека, рискнувшего предать гласности скрытые механизмы теневой экономики, просто возьмут и посадят. Потом все дружно смеялись над тем, что навряд ли Нобелевский фонд решился бы на такую необычную акцию, как награждение простого советского заключённого, продемонстрировавшего миру всю подноготную теневой экономики эпохи развитого социализма.

Постепенно, день за днём вживаясь в жизнь помощника, он усилиями своего тестя сумел стать одним из важных винтиков прекрасно продуманных схем взаимодействия официальных и неофициальных экономических структур. Спустя какое-то время, он мог с уверенностью утверждать, что объёмы операций в этой скрытой экономике были вполне сопоставимы с теми цифрами, которые указывались в официальных показателях развития народного хозяйства и сферы услуг. Полностью осознавать всё это он начал через несколько лет после того, как расстался с этой семьёй. А пока он

набирался ума и радовался тому, что тесть так часто хвалил его и одаривал премиями. На них он и баловал свою жену.

Когда у них родился сын, то тесть сразу же заявил, что он его забирает.

– Моя дочь сама ребёнок. У неё просто не хватит ума и терпения, чтобы вырастить его. А мой внук должен получить всё самое лучшее. И об этом позабочусь я сам. Мы с женой его официально усыновим.

А потом произошла катастрофа. Банальная и в чём-то, наверное, ожидаемая. Он заехал домой, чтобы забрать какие-то бумаги по поручению тестя, и увидел в прихожей эти огромные ботинки. Видимо, процесс тесного общения его жены с этим красавцем уже завершился, и они оба полуголые сидели на кухне. Жена пила чай, а этот её любовник изничтожил тот стратегический запас коньяка, что держали в доме исключительно для визитов дорогих гостей. Он пулей вылетел из квартиры и сразу же поехал к тестю. Лишь взглянув на него, тот сразу понял и каким-то будничным тоном задал нелепый вопрос:

– Застал? Надеюсь, что не бил его. Он дипломат, и скоро увезёт её отсюда. Она уже подала на развод. Утверждает, что наконец-то встретила мужчину своей мечты. Но у нас с тобой ничего не изменится. Ты сохранишь своё место работы и будешь получать те самые немалые деньги, которые тебе никогда не заплатят в каком-то другом месте.

– Не останусь. Институт я уже закончил. И хотя нефтяник

из меня пока ещё никакой, но всё же поеду в Сибирь. Вахтовый метод работы – прекрасное лекарство от всех проблем. Особенно для человека, у которого нет семьи.

– Как знаешь. Мне бы не хотелось тебя отпускать. Ты всё-таки очень смышлёный парень. И был очень мне по душе.

Вот так он и попал в Сибирь. И, встретив там эту такую милую и столь несчастную медсестру, впервые понял, что значит быть рядом с женщиной, которая предназначена тебе самой судьбой.

Это была одна из самых тяжёлых ночей на «скорой». После ужасной аварии на дороге в аэропорт, мы потеряли троих пациентов. Словом, наблюдался тот самый случай, когда врачи просто разводят руками и говорят о травмах, абсолютно несовместимых с жизнью. Много раз убеждал себя в том, что врач должен спокойно воспринимать любую смерть. И отдавать себе отчёт в том, что не во всякой ситуации можно оказать действенную, эффективную своевременную помощь. Умом всё понимал, но сердцем и душой принять не мог. Увидев мои мокрые глаза, дядя Маис сказал:

– Там тебе постелили на кушетке. Если даже не сумеешь уснуть, хотя бы полежи немножко. Уже светает. Думаю, что ближайшие три часа ты никому не понадобишься.

Как это ни странно, но я уснул. Проснулся, плохо понимая, где же я нахожусь. Не было никакого желания встать на

ноги и куда-то мчаться. За ширмой, что ограждала мою кушетку, беседовали дядя Маис и эта мадам психиатр. Когда я вышел к ним, дядя Маис налил мне свежесваренного чая и сказал:

– Садись. Послушай, что говорят умные люди. Такого больше ты нигде и никогда не услышишь.

Я сел. Меня всегда интриговали абсолютно непонятные мне взаимоотношения нашего психиатра с дядей Маисом. Я совсем недавно узнал, что, оказывается, они когда-то вместе учились. Ну, ещё до того, как дядю Маиса выгнали из медицинского института за драку. В этом, видимо, и таились скрытые причины их доверительных отношений. Но, по-моему, теперь эта дама явно пыталась впутать дядю Маиса в какую-то не совсем до конца понятную мне авантюру.

– Итак, на первом этапе Ботеро сработал на все сто процентов. Ведь главное заключалось в том, чтобы внушить этой женщине простую истину о том, насколько условно разделение мира на красивый и уродливый. Теперь она способна с юмором воспринимать даже собственную внешность. И уже не стыдится своих объёмных форм. У неё уже нет желания каждый день казнить себя за то, что она стала женщиной-горой.

– А это разве хорошо?

– Не хорошо и не плохо. Причину её стресса мы выяснили. Мне её муж рассказал обо всём. У нас есть в сухом остатке брошенный ребёнок и постоянная обеспокоенность

нашей пациентки тем, что он умер от голода. В момент, когда родился этот мальчик, в ней ещё не пробудился архетип матери. Отсюда и эта её самореализация в качестве человека, который стремится всех накормить. Теперь она уже находится в возрасте, когда достигнуто множество целей. У неё есть семья, любимый мужчина, прекрасные дочери. Именно в этот период у женщины появляется излишек энергии. Это точка бифуркации в её жизни. Ей надо определиться с тем, какой архетип именно будет сейчас доминировать в её душе. И мы должны ей помочь с этим.

– А мы можем?

– Конечно. Её муж рассказывал мне, что сразу же после её признания о существовании этого ребёнка он нанимал каких-то людей, посылал их в Россию, снабжал их немалыми деньгами. Но так ничего и не добился. Я подозреваю, что он просто нарвался на каких-то аферистов. Потом он пытался бороться с этим обжорством. В тот период в их домашнем холодильнике не было никакой еды, а кухня была лишена любых съестных припасов. Ничего не помогало. Вес рос. Еду она всегда могла найти вне дома. Он возил её в какие-то санатории, привлекал консультантов по здоровому образу жизни, пытался посадить на разные диеты. Всё было напрасно. А потом её настигла эта эмболия.

Изложив всё это, наша мадам обратилась к дяде Маису:

– Теперь я хочу попросить тебя съездить в Россию.

– Странное предложение. Я не военный, не юрист и даже не детектив. Что я смогу сделать?

– А ничего этого и не нужно. Нужен просто порядочный человек с развитым логическим мышлением и умением налаживать контакты. А всё остальное, как говорится, будет выстраиваться согласно тому, как будут развиваться события. Я изложила мужу нашей пациентки свою точку зрения. Он согласился со мной. Давайте поужинаем вечером в этом их ресторане и всё обсудим.

Когда мы все вместе отправились в этот ресторане, дядю Маиса и нашего психиатра в конце ужина пригласили к хозяину. Я же попрощался с ними и отправился домой. Но на следующем дежурстве я не застал нашего вечного медбрата. Мне сообщили, что он уе хал в отпуск. Я удивился. Но когда через пару недель он вышел на работу, то сиял, как начищенный само вар. А потом я увидел его за беседой с мадам. Спустя несколько минут к ним присоединился муж нашей бывшей пациентки. Выглядело всё это очень загадочно. Дядя Маис ничего не рассказывал. Я ничего не спрашивал. Но при этом я прекрасно понимал, что всё это так или иначе связано с этой женщиной-горой, которую просто чудом удалось спасти от смерти.

Этот Маис оказался человеком, способным пробить не только монолитную бронь официальных структур и учре-

ждений, но и прекрасным знатоком человеческих душ. Я снабдил его, конечно же, достаточным количеством денег.

И даже торжественно вручил ему прядь волос моей жены. Но всё же сомневался во всём. Не ожидал, что он вернётся из этой поездки победителем. Он всё же так и не рассказал мне, каким образом он смог получить в этом военном округе информацию о полковнике, который перевёлся отсюда на новое место назначения. У нас на руках ведь была весьма скупая информация. И содержала она всего лишь дату рождения сына моей жены и название этого областного центра. И всё.

Конечно же, полковников, которых через пять – десять дней после этой даты могли перевести в другой округ, не могло быть очень много. Но нам повезло. Их оказалось всего трое. Двое из них были почти в пенсионном возрасте. Так что оставался лишь один вариант.

Но теперь мы точно знали фамилию, имя, отчество, год рождения и его новое место назначения. Больше Маис не искал доступа в архивы. За него всё сделали хакеры. Теперь мы оба знали, где живёт этот полковник, где сейчас работает его сын, и даже даты рождения его внуков. Биологический материал этого предполагаемого сына моей жены удалось получить очень легко. А сейчас Маис положил передо мной результаты, выданные одной из самых лучших генетических лабораторий мира. Это действительно был её сын.

А ещё он привёз фотографии этого полковника, ставшего

уже генералом и вышедшего на пенсию, его жены и его сына. Всё это я должен был показать своей жене. Но делать этого пока не собирался. Просто потому, что был занят – собирал вещи, свои и её. Арендовал надёжный внедорожник. Забрал жену. И повёз её в горы. Там, в далёкой деревушке на склонах Кавказа, я снял небольшой домик и приступил к разрешению одной из самых сложных проблем в моей нынешней жизни. Если мне не удастся её разрешить, то скорее всего, я скоро стану вдовцом.

И психиатр, и диетолог выдали мне массу рекомендаций. Они, конечно же, мнегодились. Но я понимал, что, оставаясь в городе, я не смогу реализовать свой план. Здесь невозможно будет разорвать порочный круг, выстроенный моей женой в её кулинарной империи. Она с присущим ей перфекционизмом постоянно контролировала весь процесс приготовления любых блюд. А это в её положении могло привести нас лишь к очередной трагедии.

В первый же вечер в нашем новом доме в горах у нас состоялся очень непростой разговор. И начал я его издали.

– Ты знаешь, меня очень поразила схожесть наших судеб. Ведь я, уехав в Сибирь, фактически отказался от своего сына. Уехав из Москвы, я больше никогда в жизни его не видел. И самое странное, что и не хотел его видеть.

Я рассказал ей историю своей женитьбы, историю усынов-

ления моего ребёнка при живых родителях... Много чего рассказал. Но я никогда не рискнул бы открыть дверь в своё прошлое, если бы не этот её рассказ о причинах того, что заставляет её поедать такое количество пищи. Сразу же после наших кухонных посиделок я начал наводить справки о своём собственном сыне. Смог выяснить лишь одно. Он вырос и стал очень успешным человеком. Давно находится вне пределов постсоветского пространства и в настоящее время своим родным языком считает английский.

И я на минутку представил себе его брезгливое выражение лица, когда он узнает, что я, весь из себя такой жалкий и невзрачный, являюсь его биологическим отцом. И как бы я смог ему сообщить об этом? Сумел бы я пробиться сквозь тот слой людей, призванных охранять его покой, и донести до него эту информацию? Мне, безусловно, нужен был ещё и переводчик. Словом, проиграв это мысленно в своей голове, я пришёл к выводу, что нечего позориться на старости лет, в конечном счёте всё это не имеет абсолютно никакого смысла. Ни для меня, ни для моего сына.

Ведь это только на Востоке, с его традиционным обществом, кровная связь с твоими предками имеет какое-то сакральное значение. На Западе это всё воспринимается абсолютно по-другому. Я всё время проигрывал в уме свою гипотетическую встречу со своим сыном. Наверняка он, узнав о своём новоиспечённом отце, сразу же спросил бы у меня:

– Это что, такая шутка?

– Вы что, решили разыграть меня?

– Вы, наверное, из какой-то телепередачи, и нас сейчас снимают?

Но всё это было не так уж страшно. Хуже всего могло быть то, что меня тут же могли бы обвинить в корыстных целях:

– Сколько надо вам заплатить, чтобы никогда больше вас не видеть?

Чем больше я думал, тем яснее для меня становилось то, что иного сценария нет и не будет. Нет смысла ворошить прошлое и возникать перед своим сыном, пытаясь донести какие-то свои откровения. Он этого просто не поймёт. Оказывается, что бывают не только бывшие жёны и мужья, но и бывшие дети. Сегодня это взрослые люди, от которых когда-то отrekliсь их родители. И нет здесь чьей-то вины. Просто так сложилось.

Все эти дни, что мы прожили в горах, я не подпускал жену к плите. Готовил сам. Лёгкий завтрак с утра. И пять километров ходьбы по горным серпантинам. Перекус и сон. И новые пять километров. Обед. Прогулка. Отдых. Три километра после этого завершались нашим ужином. После него мы

играли в нарды. И почему-то каждый раз выигрывала именно она. Здесь не было интернета, телевизора, и работал лишь допотопный стационарный телефон. Я специально не держал в доме весов. Но уже через две недели стало ясно, что жена легко и быстро расстаётся с лишними килограммами.

Прошёл год. Всё наладилось. Женщина-гора перестала существовать, превратившись в обычную жительницу этого села с нормальным весом. А потом он всё же решил лично нанести визит этому генералу. Он знал, что жили они под Петербургом. На добротной даче вблизи Сестрорецка. Да и грех это было называть дачей. Это был такой добротный особняк с небольшим участком. Словом, место, идеально приспособленное для того, чтобы двум людям пенсионного возраста радоваться жизни, свежему воздуху и своим внукам. Он нашёл каких-то близких знакомых этой семейной пары и отправился туда вместе с ними. Весь обвешанный сувенирами, подарками и даже держащий в руках цветы, предназначенные хозяйке дома.

После того как процедура знакомства была позади, он пригласил главу семейства для приватной беседы. В доме у него был весьма приличный кабинет. Именно там они и расположились. Вместо того чтобы сразу перейти к сути дела, он долго и нудно рассказывал генералу о том, как он любит свою жену и боится за её душевное здоровья, страшится её

фобий и болезней. Но тот, видимо, был очень умным человеком. И после всех этих признаний тут же выдал удивительно точную фразу:

– Как только я узнал, что вы бакинец, то сразу понял, что это как-то связано с нашим сыном. Вы, конечно же, теперешний муж этой бедной, запуганной, но очень милой девчушки. Она даже боялась взглянуть в лицо своему ребёнку, опасаясь, что может поменять своё решение и забрать его обратно.

– Какой же вы мудрый человек. Сейчас парню не пять и даже не десять лет, и нам с вами нечего его делить. Но у моей жены глубочайшая психологическая травма. Ей не перестаёт сниться этот маленький малыш, который уверяет её в том, что он очень голоден. Мы эту проблему так просто не решим.

– А чем я могу быть полезен?

– У меня к вам вполне деловое предложение. Я снимаю всем нам номера в хорошем отеле. Думаю, наверное, это будет в Бодруме. Скажем так, всего на недельку. Мы едем, отдыхаем, общаемся, но не ворошим прошлое. Никому и ни в чём не признаёмся. Моя жена уже знает, что её сын нашёлся. Пусть она на него посмотрит. Убедится в том, что у него всё хорошо. Я уверен, что это закрепит её успехи.

– Согласен. Давайте попробуем.

– Я понимаю, что ваш сын вырос в благополучной генеральской семье. Любит вас, гордится вами. И незачем ему знать, что вы не его биологические родители. Ведь родитель – это не тот человек, который даёт жизнь ребёнку. Настоя-

ший родитель – это всё же тот, кто с первых шагов формирует будущего человечка и тратит годы на то, чтобы вырастить из него достойную личность.

– Мудро.

– Если мы подружмся во время этого отдыха, то будем общаться. А если не подружмся, то пусть это будет разовая акция. Вы знаете, женщины очень чувствительны. И я бы на вашем месте не стал бы сообщать вашей жене о том, что открылась какая-то дверца из прошлого и из неё полезли жуткие тараканы. Поймите меня правильно, если бы существовало какое-то другое лекарство или иной способ возвратить мою жену в нормальное состояние, то я не стал бы прибегать ко всем этим псевдо-детективным приёмам. Но она мне очень дорога. Её желание и стремление «заедать» свою беду сыграли с ней весьма злую шутку. Получается так, что её психологическая травма вылилась в конце концов в нежелание жить. Помогите мне.

– Я, конечно, понимаю, что мы многим обязаны этой женщине. Мы поедem в Бодрум. А там уж как сложится, так и сложится. Не будем ничего загадывать.

В Бодруме всё сложилось. Там же они пригласили генерала с семьёй в Баку на свадьбу своей самой младшей дочери. И не было на этой свадьбе более счастливого человека, чем его жена. На свадьбе она танцевала. Много танцевала. В том числе и со своим сыном, который и не догадывался, что танцует с собственной матерью. У этого сына было удивитель-

ное чувство ритма. Глядя на него, было очевидно, что азербайджанца не надо учить танцевать. Стоит только заиграть любой народной мелодии, как его руки, ноги, а главное, тело начинают двигаться именно так, как это когда-то делали его предки.

Они так и остались жить в этой деревушке. К ним иногда приезжают дети. Докладывают о том, что все их бизнес-проекты успешно развиваются. Или же просят совета для разрешения каких-то нестандартных ситуаций. А ещё они привозят разные всякие блюда, приготовленные специально для них. Всем этим, уже после отъезда детей, они угощают соседей. Он так долго держал жену в рамках им самим придуманной «горной диеты», что она теперь ничего, кроме приготовленных им блюд, не ест. И весит она ровно столько же, как тогда, когда они первый раз увиделись в Сибири.

А потом к ним в один прекрасный день в эту деревню приехал какой-то крутой мужик.

– Вы знаете, меня сюда послала лечащий врач моей жены. Она утверждает, что вам удалось совершить небольшое чудо и спасти свою супругу. Но у нас нет проблемы лишнего веса. А есть ярко выраженное желание уйти из жизни. Вы сможете нам помочь?

– Нет, конечно. Помочь себе вы можете лишь сами. Найдите место, где вам и ей будет комфортно. Изолируйтесь. И

выясните глубинные, скрытые причины её состояния. Может, всё и получится.

Потом он узнал, что эта пара поселилась в соседней деревушке. Раз в месяц они встречаются. Беседуют, пьют чай и смотрят на звёзды. Здесь в горах они выглядят совершенно по-другому. Кому-то их разговоры покажутся просто бессмысленными. Может быть, это и так. Кто-то сочтёт это бегство от цивилизации просто слабостью. Многие будут утверждать, что так жить нельзя. Все они будут одновременно правы и не правы.

Важно же не то, как люди оценивают наши поступки, а наше собственное восприятие того, что делаем мы. Эти двое смогли разорвать порочный круг самоуничтожения и вновь обрести себя. Они очень рады этому. И каждый день они встречаются в полном согласии с природой и своим внутренним «я».

Мне всё это рассказал дядя Маис. Он временами навещается к ним. Иногда и меня зовёт с собой. Но я не еду. Я всё вспоминаю свой безудержный смех во дворе больницы «Скорой помощи» и свой слоган:

– Ем – значит существую.

Мне стыдно. Очень стыдно. За своё злословие. За ту жестокость, с которой я осуждал женщину-гору. За своё высокомерие и способность осуждать тех, кого считал рабами

своих желудков. Дядя Маис меня успокаивает и считает, что это пройдёт. Может быть. Пока не проходит. Зато приходит понимание того, что порой болезни цивилизации можно лечить лишь бегством от неё.